

Статистическое исследование университетской профессуры в Российской империи

А. Ю. Андреев

Для цитирования: Андреев А. Ю. Статистическое исследование университетской профессуры в Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 1. С. 19–43. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.102>

Статья посвящена статистическому анализу количественных и качественных параметров, характеризующих профессуру российских университетов в 1755–1884 гг. Материалом для исследования послужила просопографическая база данных, составленная на основе биографических данных о профессорах и содержащая более 1200 имен ученых. Изучены такие характеристики этой совокупности ученых, как их общий социальный состав и его распределение по отдельным университетам и периодам, динамика пополнения профессорского корпуса, количество профессоров, служивших в университетах в различные промежутки времени, их распределение по отраслям наук, средний возраст вступления на кафедру, продолжительность профессорской службы, роль младших университетских должностей и влияние внештатного преподавания на получение профессорской должности, доля профессоров, преподававших в своих *alma mater*, и т. д. Эти характеристики анализировались в хронологической динамике, в зависимости от периодов развития университетов, в качестве которых выделены основные этапы пополнения профессуры, совпадающие с крупными университетскими реформами в XIX в. Показано сходство некоторых параметров для всего профессорского корпуса (например, средний возраст получения профессуры), эволюция параметров в различные периоды, а также различия между университетами. В частности, выявлена группа университетов, в которых молодые ученые получали кафедру в качестве «трамплина» для карьеры, продолжавшейся затем в других университетах. Выделены университеты, в различные периоды занимавшиеся формированием профессорского корпуса из младших университетских должностей, показаны различные типы карьеры на пути к профессуре. Некоторые явления университетской жизни, известные в историографии по ряду примеров, получили развернутое объяснение в свете статистического анализа. Одновременно исследование продемонстрировало потенциал количествен-

Андрей Юрьевич Андреев — д-р ист. наук, проф., Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1; вед. науч. сотр., Томский государственный университет, Российская Федерация, 634050, Томск, пр. Ленина, 36; andr@hist.msu.ru

Andrei Yu. Andreev — Dr. Sci. (History), Professor, Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; Leading Researcher, Tomsk State University, 36, pr. Lenina, Tomsk, 634050, Russian Federation; andr@hist.msu.ru

Статья подготовлена в рамках поддержанного РНФ проекта 18-18-00121 «Коллективная биография преподавателей российских университетов в зеркале социальной истории (вторая половина XVIII в. — начало XX в.)».

The article was prepared in the framework of the project 18-18-00121 supported by the Russian Science Foundation “Collective biography of Russian university staff in the mirror of social history (second half of the 18th century — early 20th century)”.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2021

ных методов в выявлении новых свойств российской университетской профессуры, которые нельзя обнаружить только с помощью нарративных источников.

Ключевые слова: российские университеты, профессора, реформы, университетские уставы, количественные методы.

A Statistical Study on the University Professoriate in the Russian Empire

A. Yu. Andreev

For citation: Andreev A. Yu. A Statistical Study on the University Professoriate in the Russian Empire. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2021, vol. 66, issue 1, pp. 19–43. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.102> (In Russian)

The article is devoted to a statistical analysis of quantitative and qualitative parameters characterizing the professoriate of Russian universities in 1755–1884. The material for such a study was drawn from the prosopographic database compiled on the basis of biographical data on professors and containing more than 1200 names of scientists. The following characteristics have been examined: the social composition; the dynamics of the replenishment of the professor corps; the distribution of professors by different universities and by branches of science; the average age of embarking on the professorial position; the length of the professorial service; the role of “junior” university positions and the importance of the period of teaching as Privatdozent before becoming a professor; the proportion of those who were graduates of the universities where they later taught, etc. These characteristics have been studied in chronological dynamics, depending on the main stages of replenishment of the professoriate, which coincided with the major university reforms in the 19th century. The similarity between some parameters for the entire professorial corps (for example, the average age of receiving professorship) and the evolution of parameters in different periods and differences between universities has been identified. Some phenomena of university life, known in historiography in a number of examples, have received a detailed explanation in the light of statistical analysis. At the same time, the study has demonstrated the potential of quantitative methods in revealing new properties of Russian university professors that cannot be found only through the analysis of narrative sources.

Keywords: Russian universities, professors, reforms, university Statutes, quantitative methods.

Одной из заметных тенденций в современной историографии отечественного университетского образования является использование просопографических методов, то есть построение коллективных биографий для тех или иных групп преподавателей на основе количественных показателей, извлекаемых из баз данных. С позиции методологии исследователи исходят из тезиса о том, что благодаря количественному анализу большого массива биографий по определенному набору параметров можно получить новую информацию, неочевидную в случае анализа каждой отдельной биографии, а также проверить качественные выводы о тенденциях развития университетов, ранее сделанные на основе других источников (мемуаров, официальных отчетов и т. д.).

Важность такого подхода для истории высшего образования в Российской империи была подчеркнута еще на рубеже 1990-х и 2000-х гг.¹ За последние десять

¹ Maurer T. *Hochschullehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur russischen Sozial- und Bildungsgeschichte*. Köln; Weimar; Wien, 1998; Козакова В. С. Коллективная биография профессуры — новый путь в социальной истории русских университетов // Клио. 2001. № 1. С. 254–258.

с лишним лет появился целый ряд просопографических исследований отечественной профессуры, где в том числе рассматривались такие проблемы, как социальный состав и происхождение ученых, их географическая мобильность, количественный рост числа преподавателей и т. д.² Эти вопросы решались для одного или нескольких высших учебных заведений на ограниченных промежутках времени. Актуальной оставалась задача синтеза отдельных частных результатов в общую картину, представляющую всю Российскую империю на протяжении большого хронологического периода.

Для решения этой задачи коллективом исследователей из Московского, Санкт-Петербургского и Томского университетов создана просопографическая база данных «Профессора и преподаватели российских университетов (вторая половина XVIII — начало XX в.)»³. Структура базы данных была разработана с учетом того, чтобы как можно полно отразить параметры образовательной и научной карьеры каждого университетского ученого. Формуляр, помимо стандартных сведений о годах жизни и месте рождения, включает сведения о сословной принадлежности, учебе в вузе, защитах магистерской и докторской диссертаций, этапах университетской службы в различных должностях (в качестве важного рубежа в карьере ученого особо выделялось получение им профессуры).

Объектом исследования при составлении этой базы данных являлась университетская система Российской империи, которая с 1802 г. находилась в ведомстве Министерства народного просвещения, а внутренняя и внешняя организация ее

² Никс Н. Н. Московская профессура во второй половине XIX — начале XX в.: социокультурный аспект. М., 2008; Лоскутова М. В. Географическая мобильность профессоров и преподавателей российских университетов второй половины XIX в.: проблемы и предварительные результаты исследования // «Быть русским по духу и европейцем по образованию». Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII — начала XX в. М., 2009. С. 183–221; Бушуева Л. А. Повседневность университетского профессора Казани, 1863–1917. Казань, 2012; Иванова Е. В. Что может дать единая база данных по профессуре дореволюционной России исследователям академической мобильности // Социология в действии — 2014: Избранные материалы VI социологической межвузовской конференции студентов и аспирантов. СПб., 2014. С. 131–141; Иванова Е. В. Попытка построения каузальной модели кадровой динамики профессорско-преподавательского состава дореволюционной России // Социология в действии — 2015: Избранные материалы VII социологической межвузовской конференции студентов и аспирантов. СПб., 2015. С. 118–136; Dvornichenko A. Yu., Rostovtsev E. A., Barinov D. A. The department of Russian history at St. Petersburg University (1821–1917): a group portrait // Vestnik of Saint Petersburg University. History. 2016. Iss. 3. P. 46–56; Kostina T. V., Kouprianov A. V. Growth or stagnation? Historical dynamics of the growth patterns of Dorpat University (1803–1884) // Vestnik of Saint Petersburg University. History. 2016. Iss. 3. P. 31–45; Костина Т. В., Куприянов А. В. Кадровая политика попечителей Казанского учебного округа и динамика возрастного состава профессоров Казанского университета в 1804–1884 гг. // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2017. Т. 159, кн. 4. С. 925–941; Куприянов А. В. От просопографии университетской профессуры до цифрового следа философского парохода: «Средние данные» и формальные подходы в истории науки // *Toros*. Философско-культурологический журнал. 2017. № 1–2. С. 111–137; Ростовцев Е. А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 2017; Грибовский М. В. Профессорско-преподавательский корпус императорских университетов как социально-профессиональная группа российского общества. 1884 г. — февраль 1917 г.: дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2018; Дворниченко А. Ю., Ростовцев Е. А., Баринин Д. А. Опыт коллективного портрета историков столичного университета Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64, № 1. С. 24–52.

³ База данных создана в рамках гранта РНФ № 18–18–00121, составители: А. Ю. Андреев, Д. А. Баринин, М. В. Грибовский, И. А. Дунбинский, С. А. Некрылов, Е. А. Ростовцев, И. В. Сидорчук, Д. А. Сосницкий, А. О. Степнов, С. Ф. Фоминых, Д. А. Цыганков.

университетов регулировалась однородным законодательством — разработанными в министерстве университетскими уставами. Тем самым в состав данной системы, кроме существовавшего с 1755 г. Московского университета, входили Дерптский (1802 г.), Виленский (1803 г.), Казанский, Харьковский (оба — 1804 г.), Санкт-Петербургский (1819 г.) университеты, к которым позже добавились университет Св. Владимира в Киеве (1833 г., фактически пришедший на смену закрытому в 1832 г. Виленскому университету), Новороссийский в Одессе (1865 г.), Варшавский (1869 г.), Томский (1888 г.), Николаевский в Саратове (1909 г.). Вне исследования остались королевский Варшавский университет в Царстве Польском (1817–1830 гг.) и Гельсингфорский университет великого княжества Финляндского (1827 г.) — преемник Императорской академии Або (1809 г.). Объясняется это тем, что оба университета были кардинально отделены от остальных вузов Российской империи и в ведомственном, и в законодательном смысле (каждый из них подчинялся законам соответствующей государственной автономии).

Основой для заполнения базы данных служили, с одной стороны, фундаментальные биографические справочники, включающие данные о профессорах как по отдельным университетам, так и в общероссийском охвате⁴; с другой стороны, текущие справочные источники XIX — начала XX в.: адрес-календари «Списки лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения» за 1868–1917 гг., а также списки лиц, служащих по отдельным учебным округам, публикации личного состава университетов⁵, обозрения лекций, ежегодные отчеты университетов

⁴ Императорский Московский университет. 1755–1917: энциклопедический словарь / сост. А. Ю. Андреев, Д. А. Цыганков. М., 2010; Словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета (1819–1917) / отв. ред. Е. А. Ростовцев. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/university.html> (дата обращения: 01.11.2020); Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского университета за 100 лет его существования (1802–1902) / ред. Г. В. Левицкий. Т. 1–2. Юрьев, 1902–1903; Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804–1904) / ред. Н. П. Загоскин. Т. 1–2. Казань, 1904; Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905). История факультета. Биографический словарь профессоров и преподавателей / ред. М. Г. Халанский, Д. И. Багaley. Харьков, 1908; Медицинский факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905). История факультета. Биографический словарь профессоров и преподавателей / ред. И. П. Скворцов, Д. И. Багaley. Харьков, 1905–1906; Физико-математический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905). История факультета. Биографический словарь профессоров и преподавателей / ред. И. П. Осипов, Д. И. Багaley. Харьков, 1908; Юридический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905). История факультета. Биографический словарь профессоров и преподавателей / ред. М. П. Чубинский, Д. И. Багaley. Харьков, 1908; Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского университета Св. Владимира (1834–1884) / ред. В. С. Иконников. Киев, 1884; Профессора Томского университета: биографический словарь. Вып. 1. 1888–1917 / отв. ред. С. Ф. Фоминых. Томск, 1996; Профессоры Одесского (Новороссийского) университета: биогр. слов. / упоряд. та бібліогр. ред. В. В. Самодурова, І. В. Шепельска; відп. ред. В. А. Сминтина. Одеса, 2000; Волков В. А., Куликова М. В.: 1) Российская профессура. XVIII — начало XX в. Биологические и медико-биологические науки: биографический словарь. СПб., 2003; 2) Российская профессура. XVIII — начало XX в. Химические науки: биографический словарь. СПб., 2004; 3) Российская профессура. XVIII — начало XX в. Физико-математические науки: биографический словарь. СПб., 2008; Волков В. А., Куликова М. В., Логинов В. С. Российская профессура. XVIII — начало XX в. Гуманитарные науки. СПб., 2017; Волков В. А., Куликова М. В. Российская профессура. XVIII — начало XX в. Науки о Земле: биографический словарь. СПб., 2019.

⁵ См., например, ежегодное издание: Университет Св. Владимира. Личный состав университета Св. Владимира... Киев, 1890–1910.

и т. д., обращение к которым является особенно ценным в случаях реконструкции биографий профессоров и преподавателей Императорского Варшавского университета и Императорского университета Св. Владимира в Киеве (после 1884 г.), а также других российских университетов после 1903–1905 гг., состав которых не отразился в юбилейных биографических справочниках начала XX столетия.

По мере работы над базой данных было отмечено интенсивное развитие университетской системы Российской империи в конце XIX — начале XX в. в новых условиях, возникших после принятия общего устава российских университетов 1884 г. Примерно половина всего состава преподавателей, заносимых в базу (профессоров и приват-доцентов), относилась к периоду после 1884 г. В связи с этим было решено разделить весь исследуемый период истории дореволюционных университетов на два промежутка, каждый из которых заслуживает отдельного подробного описания в количественном отношении; поэтому в настоящей статье представлен анализ той части базы данных, которая относится к университетским преподавателям до 1884 г.

В качестве предмета описания в статье выбрана фигура университетского профессора — от ее появления в России в середине XVIII в. к полноценному развитию профессуры в рамках системы российских университетов XIX столетия. Поясним, что под словом «профессор» здесь имеется в виду все многообразие так называемых старших должностей в российских университетах, принципиально отличавшихся от младших должностей⁶. К первой категории относятся экстраординарные, ординарные, заслуженные штатные профессора, а также сверхштатные профессора (которые, впрочем, редко встречаются до 1884 г.). Профессорами называются и все ученые, в чьем статусе было прописано уточнение «исправляющий должность» (что означало отсутствие докторской степени).

Обладая возможностью получать сводные данные, легче всего ответить на вопрос, сколько же всего было университетских профессоров в Российской империи до 1884 г. включительно. База данных за указанный период содержит 1204 уникальные персоналии профессоров; их биографии и служат материалом для количественного анализа, представленного далее. Впрочем, более сотни профессоров до 1884 г. обладают в базе двумя или более записями, поскольку они меняли место службы, переходя из одного российского университета в другой. Это обстоятельство необходимо учитывать, говоря о статистике распределений по отдельным университетам: если просуммировать количество профессоров (или другие, производные от него параметры) в различных университетах, то сумма всегда окажется существенно больше, чем количество людей в списке профессоров тех же университетов, где каждое имя встречается лишь один раз.

Одним из первых и важных параметров, который извлекается из коллективных биографий ученых в Российской империи, по традиции является их социальный состав (происхождение, то есть принадлежность к определенной социальной группе на момент рождения). В рассматриваемый период он имел устойчивый набор сословных характеристик, по которым ведется анализ и которые присутствуют в биографических справочниках, формулярных списках и пр.

⁶ См.: *Ростовцев Е. А. Столичный университет...* С. 121–122.

В биографиях упомянутых 1204 профессоров встречаются указания на их происхождение: 1) из потомственных дворян — 270 имен (22,5 % от общего числа профессоров); 2) личных дворян, к которым относятся дети чиновников, обладавших классным чином, не дававшим прав потомственного дворянства, — 98 имен (8,1 %); 3) духовенства — 204 имени (16,9 %); 4) купечества — 48 имен (4,0 %); 5) мещан — 60 имен (5,0 %), 6) казачества — 6 имен (0,5 %); 7) крестьян — 15 имен (1,3 %). Последнюю важную социальную группу составляют профессора — выходцы из семей иностранных подданных (и, как правило, родившиеся за пределами Российской империи): таковых в списке имен российских профессоров до 1884 г. насчитывается 287 человек (23,8 %).

Приведенные цифры позволяют сделать некоторые выводы. Например, обращает на себя внимание большая доля иностранцев (почти четверть) среди прочих социальных групп. Значительный процент ученых составляют выходцы из духовного сословия, для которых профессорская карьера была существенным социальным лифтом; также заметно присутствие выходцев из податных сословий, в том числе из крестьян, которые, очевидно, смогли преодолеть существовавшие сословные барьеры для получения высшего образования. Тем не менее эти цифры не обладают абсолютной точностью, поскольку данный параметр в базе данных отражен не в достаточной полноте — социальное происхождение для 216 профессоров (17,9 %) установить не удалось.

Более детально представить сословный состав профессоров можно, если распределить его по отдельным университетам (табл. 1⁷), а также по хронологическим периодам (табл. 2). Последние выделяются в соответствии с общей периодизацией истории российских университетов и обусловлены событиями 1802 г. (начало создания университетской системы в России), 1835 и 1863 гг. (принятие общих университетских уставов и утверждение связанных с ними штатов, которые увеличивали число профессорских кафедр и, соответственно, количество профессоров). Правда, изменения в штатах отдельных университетов происходили и в промежутках между принятием общих уставов. Они, в частности, затрагивали университеты Св. Владимира, Дерптский и Варшавский, каждый из которых в течение ряда лет подчинялся собственным уставам и штатам, отличным от общих. Однако более мелкая периодизация представляется нецелесообразной, поскольку главной задачей является обнаружение и анализ общих тенденций в развитии профессуры на достаточно крупных промежутках времени.

Данные табл. 1 позволяют уточнить характер социального происхождения профессоров. Так, два окраинных университета Российской империи — Дерптский и Виленский — в сумме приняли на свои кафедры больше половины всей профессуры, происходившей из иностранных подданных; при этом оба университета примерно на 60 % состояли из профессоров-иностранцев, что вполне естественно, памятуя о тесной связи Дерптского университета с немецкой академической средой, а Виленского — с учеными из бывших польских земель, которые вошли потом в состав Пруссии и Австрийской монархии. Среди других университетов по числу иностранных профессоров лидируют Московский, Казанский и Харьковский, и это напрямую связано с массовым приглашением туда европейских ученых

⁷ Здесь и далее подсчитано автором на основании базы данных «Профессора и преподаватели российских университетов».

Таблица 1. Социальное происхождение профессоров различных университетов Российской империи (1755–1884 гг.)

Сословная группа	Московский	Дерптский	Виленский	Казанский	Харьковский	Санкт-Петербургский	Св. Владимира	Новороссийский	Варшавский
Потомственные дворяне	89	21	4	50	46	30	41	15	12
Личные дворяне	42	6	2	19	17	6	9	6	6
Духовенство	68	16	1	40	44	19	19	9	10
Купечество	5	7	–	11	11	2	6	3	4
Мещане	21	8	–	8	8	2	10	3	5
Казачество	3	–	–	1	2	–	1	–	–
Крестьяне	1	4	–	–	5	4	1	–	1
Иностранцы	45	114	43	40	36	11	4	2	8
Неизвестно	4	19	16	24	12	61	35	26	31
<i>Всего</i>	<i>278</i>	<i>195</i>	<i>66</i>	<i>193</i>	<i>181</i>	<i>135</i>	<i>126</i>	<i>64</i>	<i>77</i>

Таблица 2. Социальное происхождение ученых, получивших профессию в различные периоды истории российских университетов

Сословная группа	1755–1801	1802–1835	1836–1863	1864–1884
Потомственные дворяне	2	56	109	141
Личные дворяне	4	28	37	44
Духовенство	13	77	55	81
Купечество	0	6	18	25
Мещане	2	8	23	32
Казачество	2	4	0	1
Крестьяне	0	3	9	4
Иностранцы	22	174	57	50
Неизвестно	1	45	61	121

в начале XIX в.⁸ Количество иностранных профессоров в остальных университетах (включая Петербургский) составляет незначительную долю от общего их числа. Московский, Казанский и Харьковский университеты также лидируют по числу профессоров, вышедших из духовенства. В то же время в университетах Св. Владимира и Московском — наибольшая доля профессоров из потомственных дворян, достигающая одной трети от общего профессорского состава, что подтверждает репутацию Москвы и Киева как важнейших «дворянских центров» своих регионов.

Табл. 2 показывает, что постепенное и существенное нарастание доли дворянства среди профессоров было общей тенденцией: если в XVIII в. среди профессоров Московского университета выходцев из потомственного дворянства было всего двое, то дальше это количество неуклонно растет. Максимум набора профессоров из духовенства падает на период после реформы 1802–1804 гг., когда они относительно доминировали над остальными (за исключением иностранцев). Немаловажно, что выходцами из духовенства были и первые русские профессора Московского университета после 1755 г. Начиная же со второй трети XIX в. доля этой социальной группы падает, уступая лидерство профессорам из дворянства. Другой важной тенденцией является постоянно нарастающее присутствие среди профессуры представителей низших сословий, что особенно хорошо видно по непрерывно увеличивающемуся количеству выходцев из мещан и купцов.

Рассмотрим теперь, как менялась общая численность российской университетской профессуры. Ее динамика представлена графиком, построенным автором на основании базы данных «Профессора и преподаватели российских университетов» и показывающим количество ученых, взшедших на профессорские кафедры с 1755 по 1884 г.

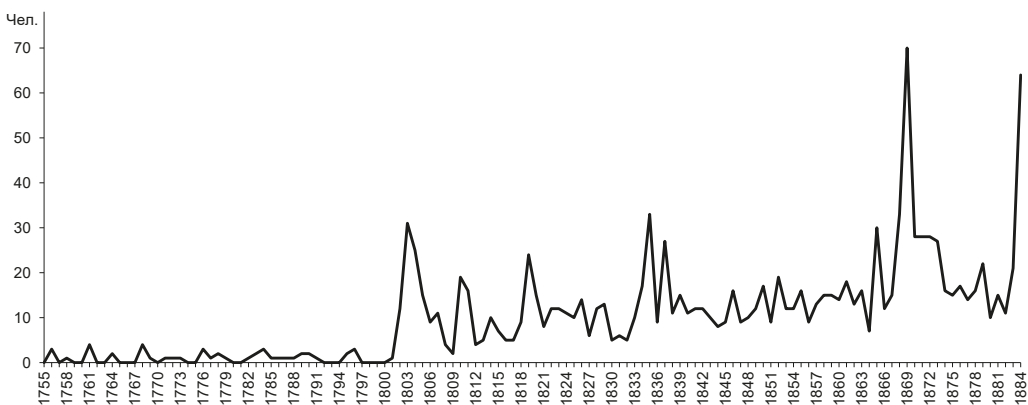

График наглядно демонстрирует обоснованность избранной выше периодизации. Начальный период в развитии российской профессуры, как видно, приходится на вторую половину XVIII в.: профессорами Московского университета становились от одного до четырех человек в год, причем обращает на себя внимание период 1790-х гг. (конец правления Екатерины II и царствование Павла I), когда

⁸ Андреев А. Ю. Российские университеты XVIII — первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2009. С. 407–463.

под влиянием событий Французской революции был утрачен интерес к университетскому образованию, правительственной поддержки его развитию не было, а появление новых профессоров почти прекратилось. С приходом же к власти Александра I и проведением университетской реформы связан первый ярко выраженный пик в 1802–1806 гг., когда новыми профессорами становятся несколько десятков ученых (до 30 человек в год) во вновь созданных университетах. Следующий пик 1810–1811 гг. связан с тем, что были, наконец, полноценно задействованы кафедры Казанского и Харьковского университетов, а еще один ярко выраженный пик 1819–1820 гг. — с преобразованием Главного педагогического института в Санкт-Петербургский университет и расширением преподавания в Дерптском университете (в связи с принятием его нового устава 1820 г.).

Очередной период количественного роста профессуры, судя по графику, начинается с 1834 г. и явно связан с политикой министра народного просвещения С. С. Уварова, в рамках которой был основан университет Св. Владимира в Киеве и принят новый общий устав 1835 г.⁹ Отметим, что за весь «уваровский» период темпы производств в профессора не падают ниже 10 человек в год, и даже «мрачное семилетие» Николая I не сильно повлияло на эту динамику, поскольку процессы подготовки молодых ученых и обновления профессуры уже обрели самостоятельное развитие. Наступление же эпохи Великих реформ придало развитию корпуса российских профессоров новый мощный импульс. Так, на графике выделяется 1865 г. — основание университета в Одессе с соответствующим ростом числа профессорских мест. Но важнее всего, что заработала правительственная программа, инициированная министром А. В. Головинным, которая помогала молодым отечественным ученым готовить докторские диссертации (в том числе за рубежом) и получать профессуру¹⁰. В конце 1860-х — начале 1870-х гг., как видно на графике, результатом программы стал рост числа профессоров (более 30 человек в год), а когда в 1869 г. благодаря основанию Варшавского университета к этому регулярному числу добавилось еще около 40 его новых кафедр, то на графике мы увидим абсолютный максимум — 70 человек, ставших в этом году профессорами. Последний пик 1884 г. (64 профессора) связан уже с первыми результатами реализации новой правительственной реформы, когда в связи с принятием общего устава 1884 г. университетских ученых начали переводить с должностей штатных доцентов на должности экстраординарных профессоров.

Таким образом, поскольку основные пики на графике, то есть годы, когда в российские университеты приходило значительное количество новых профессоров, совпадают с выбранными границами периодов, можно говорить о трех основных этапах пополнения российской профессуры. На первом этапе это были ученые, призванные на кафедры в ходе университетской реформы начала XIX в.; следующий этап обусловлен «уваровским призывом», представители которого влились в университеты во второй половине 1830-х гг.; а третий связан с деятельностью ученых, ставших профессорами в 1860-х и начале 1870-х гг. вследствие Великих реформ.

⁹ Подробнее о преобразованиях С. С. Уварова в отношении российских университетов см.: Петров Ф. А. Формирование системы университетского образования в России: в 4 т. Т. 3. М., 2003.

¹⁰ Стаферова Е. Л. А. В. Головин и либеральные реформы в просвещении (первая половина 1860-х гг.). М., 2007.

Представить себе состав профессуры внутри каждого отдельного этапа можно детальнее, если рассмотреть производства по отдельным университетам (табл. 3). Подчеркнем, что здесь указано количество ученых, получивших профессорскую кафедру данного университета в пределах выбранного периода, а не число профессоров, работавших в том или ином университете за этот отрезок времени.

Таблица 3. Количество ученых, ставших профессорами в университетах Российской империи за различные хронологические периоды

Университет	1755–1801	1802–1835	1836–1863	1864–1884	Итого
Московский	46	83	69	80	278
Дерптский	–	78	63	54	195
Виленский	–	66	–	–	66
Казанский	–	62	60	71	193
Харьковский	–	64	66	51	181
Санкт-Петербургский	–	33	50	52	135
Св. Владимира	–	15	61	50	126
Новороссийский	–	–	–	64	64
Варшавский	–	–	–	77	77

Примечание. Поскольку некоторые ученые служили за свою карьеру в нескольких университетах, суммарное количество профессоров в таблице превышает количество персоналий.

Табл. 3 показывает, что наибольший вклад в формирование российской профессуры для рассматриваемой эпохи в целом внес Московский университет (четверть всех ученых). Виленский университет, просуществовавший менее 30 лет, а также Новороссийский и Варшавский университеты, только начавшие свою деятельность в 1860-х гг., внесли наименьший вклад в общий корпус профессоров. Санкт-Петербургский университет заметно уступает Московскому, Дерптскому, Казанскому и Харьковскому не только в силу более позднего развития учебного процесса (с 1819 г.), но в первую очередь из-за отсутствия там медицинского факультета (который по числу профессоров, например, для Москвы составлял 30 % от всего университета).

Основные количественные изменения от этапа к этапу объясняются прежде всего штатами университетов. Так, если рассмотреть период 1802–1835 гг., то Московский, Казанский и Харьковский университеты получили по своим уставам 1804 г. 27–29 кафедр, которые необходимо было заполнить, однако разница состояла в том, что в Казани и Харькове этот процесс растянулся на десять лет, а в Москве пошел сразу (отсюда и заметное превосходство в количестве московских профессур над двумя другими университетами). Дерптский университет по уставам 1803 и 1820 гг. получил солидную организацию (превосходившую других по финансовым возможностям) и обладал 30 кафедрами, которые заполнялись с первых же лет его существования. Он также относится к лидерам по количеству про-

фессоров — в противоположность университету Св. Владимира, который в 1834 г. едва успел открыться и обладал до 1835 г. лишь неполным составом.

В 1836–1863 гг. профессорские штаты расширились, поэтому, хотя этот период на шесть лет короче предыдущего, количество произведенных в профессора сопоставимо с ним. Устав 1835 г. утвердил в университетах по 35 кафедр. При этом в Петербурге без медицинского факультета оказалось на десять кафедр меньше, зато с 1855 г. там открылся новый, уникальный для российской университетской системы факультет восточных языков из девяти кафедр; правда, не все из них замещались профессорами.

Последний из рассматриваемых периодов (1864–1884 гг.) короче других, он длился всего 20 лет, зато университетские штаты получили новые приращения: по Уставу 1863 г. на четырех факультетах предусматривалось 53 кафедры (в Санкт-Петербургском университете — 45, в Новороссийском на трех факультетах, без медицинского, — 36 кафедр). Устав Варшавского университета 1869 г. вводил 47 кафедр на четырех факультетах. Лишь устав Дерптского университета 1865 г. заметно отставал — на пяти факультетах (с богословским) полагалось лишь 40 штатных профессорских мест. В этом, очевидно, причина заметного по табл. 3 сокращения темпов обновления в нем профессуры: в данном смысле он утрачивает лидирующие позиции первой половины XIX в.

Кроме того, в 1864–1884 гг. в табл. 3 заметны и «аномалии», которые невозможно объяснить только арифметикой штатного расписания: так, между сходными по штатам университетами в Москве, Казани, Харькове и Киеве различие в количестве произведенных в профессора достигает 30 человек! Сыграл свою роль «фактор 1884 г.» — база данных показывает, что в Москве, Петербурге и Казани перевод доцентов в профессора начал происходить быстрее, чем в остальных университетах: в 1884 г. в Москве произведено 22 новых профессора, в Казани — 13, в Петербурге — 10, тогда как в Харькове — всего 6, в Киеве — 5, в Одессе — 4, а в Дерпте и Варшаве — по 2. Но даже если не принимать во внимание влияние 1884 г., то все равно в Москве и Казани в данный период окажется на 13 профессоров больше, чем в Харькове и Киеве. Видимо, это объясняется различиями в составе медицинского факультета: если в Москве и Казани он динамично развивался, то в университете Св. Владимира медицинский факультет был открыт только с 1842 г., формирование многих его кафедр затянулось, причем многие профессора совмещали по несколько кафедр одновременно. Та же практика была характерна и для Харьковского университета¹¹.

Также следует обратить внимание на то, что Новороссийский университет (состоявший в рассматриваемый период из трех факультетов) не уступает, а Варшавский (основанный на пять лет позже начала рассматриваемого периода) даже заметно превосходит по числу новых профессоров другие университеты. Такая особенность объясняется тем, что именно здесь чаще всего менялись профессора, что будет подробнее рассмотрено ниже в связи с анализом сроков профессорской службы.

¹¹ Распределение профессоров по кафедрам медицинского факультета см.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского университета Св. Владимира... С. XXXIV–XXXVI; Медицинский факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования... С. 62–70.

Для построения табл. 4, показывающей распределение профессоров по научным областям, пришлось сознательно пойти на значительное упрощение представлений о факультетской организации российских университетов.

Таблица 4. Распределение ученых, ставших профессорами в университетах Российской империи, по факультетам (группам наук)

Университет	Историко-филологический	Юридический	Физико-математический	Медицинский	Богословский
Московский	71	55	62	86	4
Дерптский	46	34	44	51	20
Виленский	20	7	18	14	7
Казанский	55	32	48	55	4
Харьковский	41	33	51	52	4
Санкт-Петербургский	57	36	37	–	6
Св. Владимира	25	21	43	33	4
Новороссийский	15	15	31	–	3
Варшавский	28	11	17	21	–
<i>Всего</i>	<i>358</i>	<i>244</i>	<i>351</i>	<i>312</i>	<i>52</i>

Хотя с момента реформы 1802–1804 гг. было намечено общее четырехсоставное деление университетских кафедр, разграничивавшее гуманитарные, естественные, медицинские и правовые дисциплины, конкретная структура факультетов в первой половине XIX в. претерпевала значительные изменения. Причем изменения эти возникали как от устава 1804 г. к уставу 1835 г., так и между различными университетами. В частности, названия и состав факультетов Дерптского и Виленского университетов, утвержденных их уставами в 1803 г., серьезно отличались от общего устава 1804 г.; свои особенности в наименовании и структуре факультетов имел с 1819 г. и Петербургский университет. Лишь с 1850 г. во всех университетах Российской империи появилось единообразное деление на историко-филологический, юридический, физико-математический и медицинский факультеты (в Дерпте к ним также добавлялся богословский факультет), которое окончательно было закреплено Уставом 1863 г. Именно поэтому, чтобы перейти от подобного разнообразия к сводным данным, было решено сгруппировать преподаваемые профессорами науки (и занимаемые кафедры) в соответствии с последним из уставов, тем самым проецируя на прошлое, вплоть до XVIII в., структуру факультетов, установленную в 1863 г.

На практике это означает, что дисциплины существовавших в 1755–1803, 1835–1850 гг. (в Дерпте — в 1802–1850 гг.) философских факультетов разбиваются на историко-филологическое и физико-математическое отделения; отделение словесных наук, введенное уставом 1804 г., отождествляется с историко-филологическим факультетом с той особенностью, что сюда же относится и преподавание философии, хотя по уставу 1804 г. оно принадлежало к нравственно-политическому, а в Петербурге с 1819 г. — к философско-юридическому факультету (к представителям историко-филологических наук также добавляются и профессора факультета восточных языков в Санкт-Петербургском университете с 1855 г.) и т. д. Таким образом, заголовки столбцов в табл. 4 отражают именно группы наук, которые только с середины XIX столетия можно отождествить с реально существовавшими факультетами (во второй половине XIX в. их структура уже не будет серьезно меняться).

Полученные данные содержат несколько общих закономерностей. Так, профессора-юристы во всех университетах составляют меньшинство относительно трех других основных групп, а наиболее распространенными среди специальностей российских профессоров являются историко-филологические и физико-математические науки (примерно в равном объеме). В Санкт-Петербургском университете преподавание историко-филологических наук лидировало, в том числе и благодаря появлению там кафедр восточных языков; в Одессе, напротив, заметный перевес имели профессора-естественники, но здесь это было связано не с количеством кафедр, а с короткими сроками их службы, то есть с частой сменяемостью профессоров. Медицинский факультет преобладал среди прочих в Московском (куда в 1845 г. влились профессора Московской медико-хирургической академии), а также в Дерптском, Казанском и Харьковском университетах, тогда как в других его удельный вес был не столь большим или подобный факультет вообще отсутствовал.

Табл. 4 позволила выделить в самостоятельную группу профессоров богословия, чья доля хотя и не была велика в сравнении с другими, но все же ее необходимо учитывать. В Дерптском университете они образовывали отдельный факультет из четырех кафедр, в других университетах в 1804–1835 гг. относились к отделению нравственных и политических наук, а с 1835 г. кафедра богословия была выведена за пределы факультетской структуры (что сохранялось и в последующих уставах). Обращает на себя внимание то, что в Дерптском и Виленском университетах богословские кафедры были заполнены сразу, тогда как в других университетах — лишь с 1819 г. (и это объясняет отставание в их количественном составе). Характерная особенность также состоит в том, что профессора православного богословия во «внутренних» российских университетах обязательно являлись священнослужителями, тогда как на окраинах империи, в Вильне и Дерпте, преподавание римско-католического и лютеранского богословия могло осуществляться светскими учеными (в Варшавском университете в 1869 г. кафедра богословия не была открыта).

Средний срок пребывания ученых в их профессорских должностях представлен в табл. 5. Для его вычисления использовался медианный показатель. Часто применяемое в подобных расчетах среднее арифметическое способно в данном случае давать существенные искажения общей картины, так как оно очень чувствительно к «экстремальным значениям», сильно отклоняющимся от среднего (а такие при-

Таблица 5. Средний срок профессорской службы в российских университетах

Университет	1755–1801	1802–1835	1836–1863	1864–1884
Московский	16	11	14	21
Дерптский	–	12	13	11
Виленский	–	9	–	–
Казанский	–	9	11	15
Харьковский	–	9	16	19
Санкт-Петербургский	–	12	13	20
Св. Владимира	–	5	19	22
Новороссийский	–	–	–	11
Варшавский	–	–	–	13

сутствуют в базе данных, где встречаются сроки службы, превышающие 50 лет); медиана же не чувствительна к «экстремальным значениям», поскольку показывает лишь границу, меньше и больше которой находится одинаковое количество значений.

Из табл. 5 видно, что в большинстве университетов в течение XIX в. была тенденция к увеличению срока профессорской службы, а самые короткие промежутки, проведенные профессорами в должности, относятся ко времени приглашения в Россию в начале XIX столетия иностранных ученых, большинство из них пробыли здесь менее 10 лет¹². Безусловно, именно с преобладанием иностранных профессоров в Казани и Харькове в 1802–1835 гг. связан относительно небольшой средний срок пребывания там в профессорской должности. Такой же небольшой срок в Вильне обусловлен закрытием университета, в результате чего одновременно были уволены 28 профессоров, многие из которых недавно взошли на кафедры. В Дерптском же университете общая материальная ситуация в те годы была значительно лучше остальных, профессора оставались там дольше, что отражается в наибольшем по сравнению с другими университетами среднем сроке службы. Самым же интересным является случай Киева — длительность службы здесь вычисляется для 15 профессоров, образовавших в 1834–1835 гг. первый состав университета Св. Владимира, но из них только трое проработали свыше 20 лет, а все остальные — не более 8 лет (чем и вызван столь малый средний срок в 5 лет). Объяснение заключается в том известном факте, что для открытия университета в Киев перевели преподавателей Волынского (Кременецкого) лицея — это были довольно возрастные ученые, к тому же, произведенные в профессора, они, как правило, не имели докторских степеней и тем самым не удовлетворяли требованиям нового устава 1835 г. Таким образом, первый состав профессоров университета Св. Владимира очень быстро уходит с кафедр, и на смену им под надзором С. С. Уварова приглашаются новые, молодые ученые¹³.

¹² Андреев А. Ю. Российские университеты XVIII — первой половины XIX в. ... С. 450.

¹³ Владимирский-Буданов М. Ф. История Императорского университета Св. Владимира. Т. 1. Киев, 1884. С. 200.

Рассматривая последующие периоды, следует обратить внимание, что сроки службы профессоров существенно варьируются между собой в разных университетах, а в 1864–1884 г. можно даже четко выделить две группы: Дерптский, Казанский, Новороссийский, Варшавский (среднее время пребывания в должности от 11 до 15 лет) и Московский, Харьковский, Петербургский, Киевский (от 19 до 22 лет). Последний показатель близок к «нормальной» продолжительности полной карьеры профессора, где ему надо было выслужить 25 лет в должности, чтобы претендовать на звание «заслуженного» и пенсию; тогда как длительность службы в первой названной группе университетов указывает на то, что в них протекала лишь часть карьеры профессора¹⁴. И действительно, более детальное исследование распределения по срокам службы показывает, что именно в Дерптском, Казанском, Новороссийском и Варшавском университетах значительная доля (около четверти) профессоров служили не более пяти лет, после чего их карьера продолжалась где-либо еще. Наиболее частая смена кадров в Варшаве и Дерпте наблюдалась в этот период на историко-филологическом факультете, а в Казани и Одессе — на физико-математическом (а также в Казани — еще и на медицинском). Напротив, для университетов другой группы, особенно для Москвы, Санкт-Петербурга и Киева, наблюдаются самые длинные «хвосты» распределений, когда от 14 до 16 профессоров в каждом из них служили свыше тридцати лет. Отметим также, что 436 профессоров, то есть свыше одной трети их общего состава, оставались в должности вплоть до самой смерти, причем большинство из них (с заметным отрывом) принадлежали к Московскому и Харьковскому университетам.

С вопросом о среднем сроке службы тесно связан и вопрос о возрасте получения профессуры (табл. 6). Если в тех университетах, где профессора служили меньшее время относительно остальных, ими становились еще молодые ученые, то вытекает вывод, что это был «трамплин» для начала карьеры, которая далее шла

Таблица 6. Средний возраст получения профессуры в российских университетах

Университет	1755–1801	1802–1835	1836–1863	1864–1884
Московский	32	34	34	35
Дерптский	–	34	32	34
Виленский	–	37	–	–
Казанский	–	33	32	34
Харьковский	–	37	32	34
Санкт-Петербургский	–	34	36	36
Св. Владимира	–	39	31	32
Новороссийский	–	–	–	35
Варшавский	–	–	–	35

¹⁴ С принятием Устава 1863 г. в зачет пенсии шла уже совокупная служба ученого во всех преподавательских должностях по ведомству Министерства народного просвещения. Таким образом, отдельные этапы карьеры в разных университетах просто суммировались.

в других университетах или высших школах. Сводные данные табл. 5 и 6 подтверждают, что именно такая ситуация характерна для Дерптского, Казанского, Новороссийского и Варшавского университетов в 1864–1884 гг.

В целом можно сделать вывод о стабильности среднего возраста получения профессуры (для его измерения опять-таки применяется медианный показатель, как и в схожем исследовании Т. В. Костиной и А. В. Куприянова¹⁵). За единичными исключениями он лежит для всех университетов в пределах от 32 до 37 лет (а эти исключения вызваны составом университета Св. Владимира — зачислением туда возрастных ученых из Волынского лицея, а затем их сменой на молодежь, о чем говорилось выше).

Если же заняться более детальным анализом, то, несмотря на схожие средние значения, распределение по возрастам для разных периодов отличалось. В 1802–1835 гг. оно имеет большой разброс, то есть значительное количество ученых стали профессорами раньше или позже указанной середины. Особенно это касается молодежи — почти четверть профессоров данного периода взойшли на кафедру, не достигнув 30 лет. Больше всего молодых профессоров (28 человек) относилось к историко-филологическим наукам, но и в других группах заметны «уникумы» — в Казанском университете И. М. Симонов стал экстраординарным профессором астрономии в 22 года; в Санкт-Петербургском университете О. И. Сенковский — ординарным профессором восточной словесности в 22 года, а А. И. Кранихфельд — ординарным профессором финансового права в 23 года. Если посчитать общее количество профессоров моложе 30 лет для разных университетов, то в Казани и Москве их было по 23 человека в каждом, в Дерпте — 20, в Петербурге — 11, в Харькове — 10, в Вильне — 6.

Период 1836–1864 гг. отличается от предыдущего тем, что в нем не просто присутствуют отдельные молодые профессора, но (благодаря политике С. С. Уварова) в целом происходит «омоложение» профессуры¹⁶. Средний возраст ее по всем группам наук здесь практически одинаков и составляет 32–33 года. Доля профессоров моложе 30 лет также не изменяется (от 22 до 24 % по разным группам наук), причем их больше всего среди физико-математических и медицинских кафедр. В то же время «крайностей» становится меньше, а минимальный возраст профессоров уже начинается с 25 лет (имеется лишь одно исключение — П. А. Дубовицкий, будущий президент Санкт-Петербургской медико-хирургической академии, который смог закончить учебу на медицинском факультете Московского университета в 18 лет, а в 22 года получил степень доктора и стал экстраординарным профессором хирургии в Казанском университете).

Для ученых, пополнивших ряды профессоров в 1864–1884 гг., возраст вступления на кафедру несколько увеличивается (и опять-таки по всем факультетам или группам наук почти одинаков и составляет 34–36 лет). Однако теперь существенно падает доля совсем молодых: профессора в 24–26 лет встречаются только в виде исключений на физико-математическом и историко-филологическом факультетах, а младше 24 лет вообще никого нет, и если на физико-математическом факультете

¹⁵ Костина Т. В., Куприянов А. В. Кадровая политика попечителей Казанского учебного округа... С. 928.

¹⁶ Костина Т. В. Пересмотр кадрового состава русских университетов в 1835–1837 годах // Уроки истории — уроки историка: к 80-летию Ю. Д. Марголиса (1930–1996). СПб., 2012. С. 234–242.

еще присутствует группа ученых, ставших профессорами моложе 30 лет (их около 20%), то на других факультетах таковых 15% (историко-филологический), 13% (юридический) и 10% (медицинский), причем для медицинского факультета возраст профессоров вообще (за единственным исключением) начинается с 28 лет. Это указывает на все большее регулирование процесса подготовки к профессуре — к 1860-м гг. относится становление инициированного А. В. Головинным института «профессорских стипендиатов»¹⁷, куда зачислялись выпускники университетов (соответственно, в возрасте 22–23 лет), а длилась такая подготовка от двух до четырех лет (включая возможную заграничную командировку), что и определяло минимально возможный возраст получения профессуры примерно в 27 лет. Регулярность подготовки профессоров устраняла «экстремальные» случаи, но зато приносила надежные плоды: в соответствии с полным распределением по возрастам в данный период больше половины всех ученых становились профессорами между 30 и 37 годам (а у юристов даже — между 30 и 35 годам).

Однако получение профессуры было обусловлено не только процессом подготовки к ней, но и особенностями службы в так называемых младших университетских должностях, к которым относились адъюнкты (до 1863 г.), штатные доценты (с 1863 г.), приват-доценты, прозекторы, клинические ассистенты, лаборанты, хранители кабинетов и пр. Насколько эта служба была необходима для того, чтобы стать профессором? Ответ содержится в табл. 7.

Таблица 7. Доля профессоров, служивших в младших должностях до получения профессуры, %

Университет	1755–1801	1802–1835	1836–1863	1864–1884
Московский	61	61	64	86
Дерптский	–	8	35	37
Виленский	–	36	–	–
Казанский	–	32	58	70
Харьковский	–	44	62	71
Санкт-Петербургский	–	12	32	75
Св. Владимира	–	20	54	54
Новороссийский	–	–	–	36
Варшавский	–	–	–	23

Как видим, в 1802–1835 гг. регулярным «выращиванием» профессоров из адъюнктов и других младших позиций занимались в Московском, Виленском, Казанском и Харьковском университетах. Московский университет тут, несомненно, лидирует, поскольку при проведении реформы начала XIX в. он мог опереться уже

¹⁷ Иванов А. Е. Ученое достоинство Российской империи. XVIII — начало XX века. Подготовка и научная аттестация профессоров и преподавателей высшей школы. М., 2016. С. 242–253.

на существующий в нем с XVIII столетия учебный процесс и привлечь лучших студентов на открывшиеся младшие университетские должности, чтобы затем воспитать профессоров; прочие университеты были лишены такой возможности. Как показывает полное распределение по времени службы, в Казанском университете молодые университетские ученые данного периода гораздо быстрее становились профессорами. Для этого в среднем достаточно было провести три года в младшей должности, тогда как в остальных — шесть или семь лет. Наконец, университеты в Дерпте, Петербурге и Киеве в данный период практически не занимались «выращиванием» профессуры в среде своих преподавателей. Последние два университета не делали этого, поскольку были недавно открыты. Особенность же Дерптского университета состоит в том, что хотя в его штате присутствовало некоторое количество младших должностей, подавляющее количество его ученых поступали в профессора не отсюда, а «со стороны» (см. также табл. 8), что скорее отражало традиции немецкой университетской системы.

В 1836–1863 гг. общая доля произведенных в профессора из младших должностей по всем университетам заметно увеличивается. В то же время опять заметно отстает Дерптский университет, а также сравнительно немного «профессоров из адъюнктов» было в Санкт-Петербургском университете. Это неудивительно, если вспомнить, например, что открытие факультета восточных языков преимущественно происходило путем перевода ученых в Петербург (а не через их набор внутри университета) и т. д. Среднее время, которое проводили в рассматриваемый период в младших должностях перед профессурой, по всем группам наук примерно одинаково и составляет 4–5 лет.

В 1864–1884 гг. доля «выращенных» профессоров продолжала увеличиваться, но особенно выделяется Москва, где лишь один профессор из семи перед получением кафедры не проходил через доцентуру, приват-доцентуру или другие должности. Помимо Москвы, почти обязательным пребывание в статусе младшего преподавателя перед тем, как стать профессором, было для Санкт-Петербургского, Казанского и Харьковского университетов. В то же время в Киеве, Дерпте, Одессе и Варшаве оно являлось уже не столь обязательным (как покажет далее табл. 8, многие профессора попадали сюда из других университетов). Также из полного распределения в данном поколении видна следующая закономерность: чем больше доля профессоров, служивших в конкретном университете младшими преподавателями, тем дольше в среднем оказывалась их служба там (для Москвы в этот период она уже составляет 7 лет, для Петербурга, Казани и Харькова — 5–6 лет, для Дерпта, Киева, Одессы и Варшавы — 4 года). Различаются здесь и сроки продвижения по службе на отдельных факультетах: если представители естественных наук сравнительно быстро, в среднем через 4 года, приходили к профессуре, то медикам для этого требовалось уже 7 лет пребывания на младших клинических и преподавательских должностях.

Убедившись, что младшие университетские должности играли существенную роль в становлении будущего профессора, рассмотрим и другие карьерные возможности, которые приводили ученого на кафедру. В табл. 8 представлено пять таких типов карьеры, где критерием служит принадлежность к штатным или внештатным университетским должностям. Выделяя последние, можно постараться ответить на вопрос о роли «стороннего преподавания», то есть приват-доцентуры на

Таблица 8. Карьерные возможности получения профессуры в российских университетах

Показатель	Из младших штатных должностей своего университета	Из младших штатных должностей другого университета	Из приват-доценты своего университета	Из приват-доценты другого университета	Из профессоров другого университета	Не из российских университетов
По университетам						
Московский	185	2	8	0	14	69
Дерптский	19	1	30	0	14	131
Виленский	24	0	–	–	1	41
Казанский	84	5	22	4	2	76
Харьковский	104	1	3	2	14	57
Петербургский	28	2	32	0	27	46
Св. Владимира	39	5	25	10	14	33
Новороссийский	5	3	19	2	14	21
Варшавский	18	8	0	4	7	40
По периодам						
1755–1801	28	–	–	–	–	18
1802–1835	136	3	1	1	14	246
1836–1863	172	7	22	6	42	120
1864–1884	170	17	116	15	51	130

пути к профессуре и сравнительном весе этой карьерной стратегии относительно других в различные периоды.

Приват-доцентура возникла в России по образцу немецких университетов как институт внештатных преподавателей, получавших вознаграждение от слушателей в виде гонорара или из особых университетских фондов. Она впервые была оформлена уставом Дерптского университета 1803 г. и существовала исключительно в Дерпте, пока в 1842–1843 гг. не была распространена на все остальные российские университеты в рамках политики С. С. Уварова по привлечению молодых преподавателей¹⁸. Сопоставление табл. 7 и 8 показывает, что в первой трети XIX в. даже для Дерптского университета приват-доценты еще не играли никакой роли

¹⁸ Пискунов И. В. Правовое положение российских приват-доцентов (1803–1884) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 4 (59). С. 98–116.

в подготовке профессуры (а большинство профессоров получали здесь кафедру без службы в младших должностях). В 1840–1850-х гг. ситуация начала меняться: активизировался переход в профессора из приват-доцентуры Дерптского университета, появились случаи, когда приват-доценты (сторонние преподаватели) одного университета получали кафедру в другом. Тем не менее их доля от общего числа произведенных в профессора данного периода была очень незначительной (менее 6%), а гораздо чаще в профессора попадали из адъюнктов, то есть сторонние преподаватели сперва становились штатными (адъюнктами), а затем уже профессорами (такие случаи отмечены в Московском, Казанском и Харьковском университетах).

Качественным образом ситуация поменялась для 1864–1884 гг. На основании данных табл. 8 можно вычислить, что 26% профессоров от общего состава в этот период вышли из приват-доцентов (подавляющее большинство, 116 человек, получили профессуру в том же университете, где были приват-доцентами, но еще 15 человек нашли ее в другом университете). При этом их распределение по университетам неравномерно — производством приват-доцентов в профессора активно занимались Петербургский, Казанский, Новороссийский и университет Св. Владимира, но весьма слабо оно происходило в Московском и Харьковском университетах, где господствовала иная практика, согласно которой приват-доцентов сперва переводили в штатную доцентуру, а затем уже делали профессорами. Такое же разделение показывает нам и начало кадровой реформы в 1884 г.: профессорами тогда (помимо пришедших со стороны) стали 24 приват-доцента, большинство среди них — в Петербурге, Казани и Киеве, и 31 штатный доцент — преимущественно в Москве и Харькове.

Весьма красноречивым в табл. 8 является столбец, показывающий переход профессоров на кафедры других университетов¹⁹. В условиях нарастающей профессорской мобильности этот показатель примерно одинаков для большинства университетов, но в большую сторону выделяется Петербургский (очевидно, наиболее привлекательный в силу столичного положения, связи с Академией наук и т. д.), а два географически «крайних» университета Российской империи — Варшавский на западе и Казанский на востоке — демонстрировали малую привлекательность для профессоров: как уже говорилось, молодые ученые получали здесь профессуру, но затем достаточно скоро уезжали в другие университеты, а обратного потока практически не было.

Обозначенная выше тенденция выводит нас на проблему «академического инбридинга»²⁰, в связи с которой необходимо оценить, в какой мере профессорами конкретного университета становились его выпускники, или, напротив, он принимал ученых, окончивших другие университеты и иные высшие школы Российской империи (среди последних в базе данных наиболее часто представлены Главный педагогический институт в Петербурге, Московская, Санкт-Петербургская, Киевская и Казанская духовные академии, Московская и Санкт-Петербургская медико-хирургические академии).

¹⁹ Это явление подробно исследовано на основе базы данных в отдельной статье: *Андреев А. Ю.* Мобильность профессоров в университетской системе Российской империи XIX — начала XX в. // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.* Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2020. Вып. 6 (97). С. 68–93.

²⁰ *Куприянов А. В.* От просопографии университетской профессуры... С. 132–133.

Табл. 9 показывает высокое значение среди профессоров Московского университета доли собственных выпускников, которая к поколению 1864–1884 гг. достигает 85 %, что является абсолютным максимумом. Для большинства же университетов исследуемая доля в таблице оказывается несколько меньше половины, что можно положить за норму. Сходные значения дают и распределения указанной доли по областям наук (причем данный показатель, как кажется, слабо зависит от конкретного факультета — разве что для богословских кафедр он меньше, и это легко объяснить тем, что подготовка студентов по богословию, которая могла вести их дальше к профессуре, осуществлялась только в Виленском и Дерптском университетах).

Таблица 9. Доля профессоров, являвшихся выпускниками тех университетов, где они служили, %

Показатель	1755–1801	1802–1835	1836–1863	1864–1884
По университетам				
Московский	35	58	55	85
Дерптский	–	19	43	35
Виленский	–	44	–	–
Казанский	–	16	37	49
Харьковский	–	23	36	45
Санкт-Петербургский	–	6	24	58
Св. Владимира	–	0	21	36
Новороссийский	–	–	–	9
Варшавский	–	–	–	0
По факультетам/группам наук				
Историко-филологический	33	23	36	31
Юридический	11	23	43	45
Физико-математический	67	35	36	39
Медицинский	38	39	36	47
Богословский	–	28	22	33

Отклонения от нормы в меньшую сторону связаны, на наш взгляд, с начальной фазой развития университета. Так, ясно, что в 1802–1835 гг. у только что основанных Дерптского, Казанского, Харьковского и Санкт-Петербургского университетов было меньше возможностей для подготовки профессоров из своих студентов²¹, чем у тех, где учебный процесс уже давно развивался, то есть у Московского или

²¹ Стоит заметить, что выпускники Педагогического института в Петербурге первых двух десятилетий XIX века, из которых вышло немало профессоров Санкт-Петербургского университе-

Виленского университетов (последний наследовал традиции существовавшей с XVIII в. Главной Виленской школы). То же самое можно сказать и относительно университета Св. Владимира в 1836–1863 гг., а также Новороссийского и Варшавского университетов в последующий период. И тем не менее весьма характерно, что последние практически не готовили профессуру из собственных рядов. Учитывая то, что уже было сказано относительно данных университетов, можно сделать вывод, что молодые ученые переходили туда из других университетов (как штатные доценты или приват-доценты), получали за сравнительно короткое время (около 4 лет) профессуру, после чего вскоре покидали эти университеты, продолжая карьеру в других.

Следует также отметить прямую корреляцию между табл. 7 и верхней частью табл. 9. Она означает, что те выпускники университетов, которые шли к получению в них профессуры, не могли миновать младших преподавательских должностей. Таким образом, фактически вся их ученая карьера оказывалась связана с одним университетом. Однако еще раз повторим, что доля таких ученых в общем составе профессоров в среднем не превышала половины.

Подводя итог проведенного в данной статье исследования (в котором были использованы далеко не все показатели, имеющиеся в базе данных; так, за пределами статьи остался анализ получения профессорами ученых степеней), еще раз обозначим его общие выводы.

Профессура российских университетов до 1884 г. представляет собой значительный по составу корпус из более чем 1200 ученых. В значительной степени его облик определялся Московским университетом, где служил почти каждый четвертый профессор рассматриваемой эпохи. В социальном происхождении профессоров обращает на себя внимание значительная доля иностранцев, но с течением времени постоянно нарастает и доля выходцев из дворянства, при этом с сохранением регулярного притока профессоров, происходивших из духовенства и низших сословий.

Большинство профессоров представляли науки историко-филологического и физико-математического факультетов. Хотя в отдельных университетах (прежде всего, в Московском) велика была и роль медиков, в других университетах их вообще не было; профессора-юристы же всегда находились в относительном меньшинстве. Кроме того, в российских университетах присутствовала незначительная по количеству, но существенная для общей картины доля профессоров, преподававших богословские науки.

Анализ динамики вступления в профессуру позволил выделить в рассматриваемой эпохе по крайней мере три основных этапа, сформированные последствиями университетских реформ начала XIX столетия, 1830-х и 1860-х гг. От одного этапа к другому многие параметры профессуры менялись, при этом были и такие, что оставались сравнительно стабильными.

В среднем российский ученый становится профессором в возрасте от 32 до 37 лет, но определенное их количество — даже моложе 30 лет, причем особенно существенной была доля молодых профессоров в первой половине XIX в. С 1860-х гг. в университетах наладился массовый процесс подготовки способных выпускников

та, по формальным соображениям не могут считаться выпускниками университета, ставшими его профессорами, и не учитываются в табл. 9.

к профессуре. Именно его регулярность и обеспечивала (в обычном случае) тридцатилетним ученым получение профессорской должности, но в то же время прекратила явление, когда на кафедру всходили молодые люди в 22–24 года (что иногда встречалось в первой трети XIX в.).

Благодаря той же тенденции постоянно увеличивалась доля профессоров, «выращенных» на младших университетских должностях. В 1860–1880-х гг. таких уже было подавляющее большинство в Московском, Казанском, Харьковском и Санкт-Петербургском университетах. В то же время в среднем лишь менее половины профессоров были выпускниками своих университетов, то есть университеты (за исключением Московского) не замыкались сами на себя, а их молодая поросль проявляла мобильность в поиске должностей где-либо еще. Некоторые университеты (такие как Новороссийский и Варшавский) изначально были ориентированы на прием ученых из других мест. И лишь Московский университет, сформировавший во второй половине XIX в. собственные научные школы почти по всем кафедрам, самостоятельно обеспечивал подготовку своих преподавательских кадров практически со студенческой скамьи и до самой профессуры.

С введением устава 1863 г. важное значение для подготовки профессоров получила приват-доцентура. В последующий период около четверти профессоров были произведены в свои должности непосредственно из приват-доцентуры, что являлось особенно типичным для Петербурга, Казани, Киева и Одессы, тогда как в Москве и Харькове для получения профессуры необходимо было сперва стать штатным доцентом.

Срок службы на профессорских должностях в отдельно взятом университете от периода к периоду увеличивался, и лишь в начале XIX в. преобладало сравнительно краткое пребывание профессора на кафедре. При этом суммарно около трети профессоров служили в университете до самой кончины.

Помимо общих явлений, анализ базы данных позволил обнаружить многочисленные частные аспекты (некоторые из них ранее отмечались в историографии), например смену за короткое время первого состава профессоров университета Св. Владимира и набор туда новых молодых профессоров. Стоит выделить очевидный факт, что практически все университеты в различные периоды имели свои особенности. Так, Дерптский университет в первой половине XIX в. развивался в качестве одного из самых привлекательных университетов Российской империи (что видно по основным параметрам его профессуры), но не занимался «выращиванием» своих профессоров, а в соответствии с немецкими традициями ориентировался на их привлечение со стороны. Однако в последней трети XIX в. эти особенности уже выводят Дерптский университет из числа лидеров и переводят в ту же группу, к которой с самого основания принадлежали Новороссийский и Варшавский, а также примкнувший к ним Казанский университет. В 1860–1880-х гг. в названных университетах профессора менялись чаще всего, поскольку ученые начинали здесь свою карьеру с тем, чтобы перейти дальше в другие российские (а в случае Дерпта — также в другие немецкие) университеты. Тенденция расчленения университетов на различные группы по типу карьер их профессоров будет развиваться и после 1884 г., но это должно послужить предметом отдельного исследования.

References

- Andreev A. Yu. *Russian universities of the 18th — first half of the 19th centuries in the context of European university history*. Moscow, Znak Publ., 2009, 640 p. (In Russian)
- Andreev A. Yu. Mobility of professors in the university system of the Russian Empire in the 19th — early 20th century. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Ser. II: Istorii. Istoriiia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*, 2020, iss. 97, pp. 68–93. (In Russian)
- Bushueva L. A. *Everyday life of a university professor in Kazan, 1863–1917*. Kazan, Izdatel'skii tsentr innovatsionnykh tekhnologii, 2012, 288 p. (In Russian)
- Gribovskii M. V. *Faculty of the imperial universities as a social and professional group of Russian society. 1884 — February 1917: dis. ... d-ra ist. nauk*. Tomsk, Tomsk State University Press, 2018, 804 p. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu., Rostovtsev E. A., Barinov D. A. The department of Russian history at St. Petersburg University (1821–1917): a group portrait. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2016, iss. 3, pp. 46–56.
- Dvornichenko A. Yu., Rostovtsev E. A., Barinov D. A. Essay on a collective portrait of historians of the Capital University of the Russian Empire. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2019, iss. 1, pp. 24–52. (In Russian)
- Ivanov A. E. *Scientific merit of the Russian Empire. 18th — early 20th century. Training and scientific certification of professors and teachers of higher education*. Moscow, Novyi Khronograf Publ., 2016, 656 p. (In Russian)
- Ivanova E. V. What can a unified database on the professoriate of pre-revolutionary Russia give to researchers of academic mobility. *Sotsiologiya v deistvii — 2014. Izbrannye materialy 6th sotsiologicheskoi mezhdvuzovskoi konferentsii studentov i aspirantov*. St. Petersburg, [s. n.], 2014, pp. 131–141. (In Russian)
- Ivanova E. V. An attempt to build a causal model of personnel dynamics for the teaching staff of pre-revolutionary Russia. *Sotsiologiya v deistvii — 2015. Izbrannye materialy 7th sotsiologicheskoi mezhdvuzovskoi konferentsii studentov i aspirantov*. St. Petersburg, [s. n.], 2015, pp. 118–136. (In Russian)
- Kostina T. V. Revision of the staff of Russian universities in 1835–1837. *Uroki istorii — uroki istorika: k 80-letiiu lu. D. Margolisa (1930–1996)*. St. Petersburg, Nestor-History Publ., 2012, pp. 234–242. (In Russian)
- Kostina T. V., Kupriianov A. V. Growth or stagnation? Historical dynamics of the growth patterns of University of Dorpat (1803–1884). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriiia*, 2016, no. 3, pp. 31–45.
- Kostina T. V., Kupriianov A. V. Personnel policy of superintendents of Kazan educational district and dynamics of age structure of Kazan University professors in 1804–1884. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki*, 2017, iss. 159, no. 4, pp. 925–941. (In Russian)
- Kozakova V. S. Collective biography of professors — a new path in the social history of Russian universities. *Klio*, 2001, no. 1, pp. 254–258. (In Russian)
- Kupriianov A. V. From prosopography of university professors to the digital footprint of a philosophical steamer: “Average data” and formal approaches in the history of science. *Topos. Filosofsko-kul'turologicheskii zhurnal*, 2017, no. 1–2, pp. 111–137. (In Russian)
- Loskutova M. V. Geographic mobility of professors and teachers of Russian universities in the second half of the 19th century: problems and preliminary results of the study. “*Byt' russkim po dukhu i evropeitsem po obrazovaniuu*”. *Universitety Rossiiskoi imperii v obrazovatel'nom prostranstve Tsentral'noi i Vostochnoi Evropy 18th — nachala 20th v.* Moscow, Political Encyclopedia Publ., pp. 183–221. (In Russian)
- Maurer T. *Hochschullehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur russischen Sozial- und Bildungsgeschichte*. Köln, Weimar, Wien, Böhlau Verlag, 1998, 959 S.
- Niks N. N. *Moscow professoriate in the second half of the 19th — early 20th centuries: the sociocultural aspect*. Moscow, Novyi Khronograf Publ., 2008, 303 p. (In Russian)
- Petrov F. A. *Formation of the system of university education in Russia. Vol. 3: University professoriate and the preparation of the Statute 1835*. Moscow, Moscow University Press, 2003, 480 p. (In Russian)
- Piskunov I. V. Legal status of Russian privat-docents (1803–1884). *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Ser. I: Istorii. Istoriiia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*, 2014, iss. 59, pp. 98–116. (In Russian)

- Rostovtsev E. A. *Capital University of the Russian Empire: Academic Estate, Society and Power (second half of the 19th — early 20th centuries)*. Moscow, Political Encyclopedia Publ., 2017, 903 p. (In Russian)
- Staferova E. L. A. V. *Golovnin and liberal reforms in education (first half of the 1860s)*. Moscow, Kanon+ Publ., 2007, 512 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 8 сентября 2020 г.

Рекомендована в печать 10 декабря 2020 г.

Received: September 8, 2020

Accepted: December 10, 2020